

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА И ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ» В СВЯЗИ С НЕТРАДИЦИОННЫМИ ВОПРОСАМИ БЕЗОПАСНОСТИ (2015–2025 ГГ.)

Лунь Хаотянь

Аспирант, Российский университет
дружбы народов имени Патриса Лумумбы
Mofeng0927@yandex.ru

THE HISTORICAL EVOLUTION OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION AND THE BELT AND ROAD INITIATIVE IN RELATION TO NON-TRADITIONAL SECURITY ISSUES (2015–2025)

Lun HaoTian

Summary: This article examines the historical evolution of interaction between the Eurasian Economic Union (EAEU) and the Belt and Road Initiative (BRI) in the context of non-traditional security challenges over the period from 2015 to 2025. Based on a chronological analysis, three stages are identified: the phase of passive response (2015–2020), the formation of mechanisms (2021–2023), and strategic synchronization (2024–2025). Particular attention is given to the impact of the COVID-19 pandemic, sanctions pressure, cyber threats, and energy crises on the transformation of this partnership. The article outlines three potential scenarios for future development: deepening integration, confrontation, and neutral coexistence. The study concludes that non-traditional security has become a structural element of Eurasian cooperation, shaping new contours of regional interaction.

Keywords: Eurasian Economic Union, Belt and Road Initiative, historical evolution, non-traditional security, integration processes, geopolitical risks.

Аннотация: В статье рассматривается историческая эволюция взаимодействия между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и инициативой «Один пояс, один путь» (ОПОП) в контексте нетрадиционных вызовов безопасности в период с 2015 по 2025 гг. На основе хронологического анализа выделены три этапа: период пассивного реагирования (2015–2020), формирование механизмов (2021–2023) и стратегическая синхронизация (2024–2025). Особое внимание уделено влиянию пандемии, санкционного давления, киберугроз и энергетических кризисов на трансформацию партнёрства. В работе предложены три сценария будущего развития: углубление интеграции, конфронтация и нейтральное сосуществование. Сделан вывод о том, что нетрадиционная безопасность становится структурообразующим элементом евразийского взаимодействия, формируя новые контуры регионального сотрудничества.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, Один пояс, один путь, историческая эволюция, нетрадиционная безопасность, интеграционные процессы, геополитические риски.

Введение

Современный мир переживает период глубокой геоэкономической трансформации, сопровождающейся ростом нестабильности, усилением санкционного давления и распространением трансграничных рисков. В этих условиях государства Евразии, особенно те, чьи экономики в значительной степени ориентированы на внешние рынки, сталкиваются с необходимостью переосмысления моделей развития и поиска новых интеграционных форматов. Ответом на эти вызовы стало создание Евразийского экономического союза (ЕАЭС) 29 мая 2014 года, объединившего Беларусь, Казахстан, Россию, Армению и Киргизию с целью формирования единого экономического пространства и укрепления внутренней экономической кооперации [1]. Почти синхронно Китай инициировал стратегический проект «Один пояс, один путь» (ОПОП), ориентированный на

формирование транспортно-инфраструктурного коридора, соединяющего Восточную Азию с Европой, Ближним Востоком и Африкой.

На сегодняшний день ЕАЭС и ОПОП представляют собой два ключевых механизма евразийской интеграции, при этом их взаимодействие выходит за рамки исключительно экономических интересов. Актуальность настоящего исследования определяется тем, что в условиях глобализации возрастающее значение приобретают нетрадиционные аспекты безопасности киберугрозы, транснациональный терроризм, экологические и климатические риски, энергетическая нестабильность, биологические угрозы. Именно эти вызовы, получившие особую остроту в период пандемии COVID-19 и в контексте региональных конфликтов, вынудили страны-участницы ЕАЭС и инициативы ОПОП впервые поднять вопросы нетрадиционной безопасности на стратегический уровень

[2].

Данный феномен, слабо изученный в существующей литературе, требует более глубокого научного анализа. Настоящее исследование направлено на изучение исторической эволюции и динамики взаимодействия между ЕАЭС и инициативой ОПОП в сфере нетрадиционной безопасности в период с 2015 по 2025 годы. В фокусе находятся такие аспекты, как восприятие угроз странами-участниками, механизмы реагирования на кризисные ситуации, институциональное оформление сотрудничества, а также политико-экономические последствия данных процессов для всего евразийского пространства.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в рамках единой концепции рассматривается комплекс нетрадиционных угроз как фактор, способствующий либо углублению, либо сдерживанию евразийской интеграции. В работе обосновано, что в результате череды кризисов от пандемии до региональных вооружённых конфликтов кооперация между ЕАЭС и ОПОП начала приобретать качественно новую конфигурацию, в которой вопросы безопасности становятся неотъемлемой частью интеграционного дискурса. Кроме того, выявлены три возможных сценария будущего взаимодействия углубление сотрудничества, конфронтация или нейтральное сосуществование каждый из которых зависит от способности сторон институционализировать сотрудничество в условиях растущей неопределённости.

Таким образом, исследование носит как теоретическую, так и прикладную значимость: оно позволяет не только обогатить научное понимание механизмов евразийской интеграции, но и предложить возможные направления укрепления устойчивости региона перед лицом нетрадиционных вызовов XXI века.

Материалы и методы

Исторические аспекты эволюции политики «реформ и открытости» КНР отражены в трудах многих российских и зарубежных ученых-экономистов, таких как Я.М. Бергер [1], А.В. Бояркина [2], В.Ф. Печерица [2], С.А. Мефодьева [2].

Также стоит упомянуть Л. Цзея, который сформулировал базовые принципы и основные факторы, определяющие внешнеполитический курс КНР в течение последних лет [11].

Процессы глобализации в контексте динамики евразийского сотрудничества рассматриваются в научных работах С.Ю. Глазьева, [7] Т.В. Бордачева [3], А.В. Казаковой [3], А.С. Скриба [3], В.А. Скосырева [13] и др.

Вместе с тем, недостаточно изучен генезис и отличительные особенности сотрудничества Евразийского экономического союза и инициативы «Один пояс, один путь» в части изучения нетрадиционных вопросов безопасности в период с 2015 по 2025 гг.

Методологическая база работы строится на сочетании системного и междисциплинарного подходов, включая историко-сравнительный анализ, элементы ситуационного моделирования и анализ официальных документов. Использование этих методов позволяет охватить как макроуровень стратегий, так и конкретные примеры реагирования на угрозы.

Результаты и обсуждения

С начала реализации инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП) в 2013 году и создания Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в 2015 году их взаимодействие строилось преимущественно вокруг вопросов торговли, логистики и инфраструктурной связанности. На начальном этапе внимание к вопросам безопасности, тем более нетрадиционного характера, было ограниченным и маргинальным: угрозы рассматривались преимущественно в формате внутренних вызовов, не требующих скоординированного международного реагирования.

1. 2015–2020 гг.: Период пассивного реагирования

После подписания Соглашения об экономическом и торговом сотрудничестве между КНР и ЕАЭС в 2015 году стороны приступили к выстраиванию институциональной базы сотрудничества. Однако в этот период нетрадиционная безопасность рассматривалась лишь как сопутствующий аспект экономической повестки [2]. Угрозы, такие как изменение климата, кибератаки, миграционные потоки и пандемии, не были включены в ключевые стратегические документы.

Ситуация начала меняться под влиянием череды кризисных событий. Вспышка пандемии COVID-19 в 2020 году оказала разрушительное воздействие на международные транспортные маршруты и логистические цепочки. Китайско-европейские поезда временно прекратили движение, а закрытие границ показало отсутствие скоординированных санитарных или биобезопасных механизмов между странами региона. Это продемонстрировало ограниченность существующих форматов сотрудничества в условиях трансграничных угроз. В рамках структуры ШОС Китай оказывал странам ЕАЭС поддержку в сфере антитеррористической разведки, а Россия направила санитарный состав в Синьцзян для преодоления строгих карантинных барьеров [6].

Одновременно внимание было обращено на экологические вызовы: одной из важнейших проблем этого

периода стало ухудшение состояния Аральского моря крупнейшей экологической катастрофы региона. Попытки реагирования на данную угрозу остались преимущественно локальными и не сопровождались координацией на межгосударственном уровне.

Дополнительным фактором, актуализировавшим тему нетрадиционной безопасности, стала политика США, введшая в отношении России серию жёстких санкций, получивших в СМИ название «From Hell Sanctions» [8]. Эти меры нарушили евразийскую торговую инфраструктуру и вынудили Россию и Китай искать альтернативные модели расчётов, в том числе с использованием бартерных схем. Таким образом, финансовая безопасность, ранее воспринимавшаяся как сугубо теоретическая категория, превратилась в ключевой вопрос выживания и устойчивости для евразийского пространства.

2. 2021–2023 гг.: Формирование механизмов и переход к проактивной модели

С 2021 года стороны начали осознавать необходимость перехода от пассивного реагирования к формированию устойчивых механизмов взаимодействия в области безопасности. В обновлённый Договор о добрососедстве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой были включены положения о цифровой и биологической безопасности, что стало важным шагом в институционализации сотрудничества [9].

Значительным достижением также стало взаимное признание таможенными службами статуса «уполномоченных экономических операторов» (УЭО) между странами ЕАЭС и Китаем. Этот шаг позволил оптимизировать процедуры таможенного контроля, снизить риски логистических сбоев и ускорить перемещение товаров в условиях кризисных явлений [2]. В этот же период наблюдался рост инвестиций в биобезопасность, здравоохранение и цифровую инфраструктуру, что отразило последствия пандемии и глобального дефицита ресурсов [9].

Ключевым событием, усилившим фокус на нетрадиционных угрозах, стал конфликт на Украине, начавшийся в феврале 2022 года. Его последствия были масштабными: прекращение работы черноморского зернового коридора вызвало рост цен на продовольствие в Центральной Азии, а исключение России из системы SWIFT вынудило партнёров оперативно перестраивать платёжные механизмы [5]. Потоки украинских беженцев к границам Беларуси и Польши, а также террористические акты на нефтяных объектах в Казахстане, где работали китайские компании, продемонстрировали необходимость комплексного подхода к обеспечению региональной устойчивости.

На фоне обострения ситуации сотрудничество между ЕАЭС и ОПОП перешло в состояние, которое можно условно назвать «моделью военного времени». Было принято решение о переориентации маршрутов поездов «Китай–Европа» в обход Украины и части западной России. Также Китай и Россия начали использовать модель расчётов в национальных валютах (юань и рубль), в том числе на стратегических объектах, таких как Дальневосточные пункты приёма сжиженного природного газа. Однако резкие колебания валютных курсов выявили, что даже дедолларизация создаёт новые риски для энергетических компаний и расчётных систем [13].

3. 2024–2025 гг.: Углубление технологического сотрудничества и стратегическая синхронизация

К 2024 году Китай представил «Глобальную инициативу по управлению искусственным интеллектом», в рамках которой были созданы совместные исследовательские платформы, включая Китайско-российский центр цифровой экономики и Центр совместных инноваций «Русский дом». Эти площадки стали направлены не только на координацию научных разработок в области транспорта и энергетики, но и на укрепление сотрудничества по линии противодействия киберпреступности и транснациональной угрозам [9,10].

Россия, в свою очередь, пригласила китайские компании к участию в развитии собственной системы «суверенного интернета», что символизирует переход к более тесному технологическому партнёрству, выходящему за рамки экономической кооперации. Таким образом, к 2025 году можно наблюдать качественное усложнение модели взаимодействия: от инфраструктурной синхронизации к системному партнёрству в области управления рисками и цифровой безопасности.

На основе хронологического анализа за десятилетие 2015–2025 гг. можно выделить три ключевых этапа в развитии сотрудничества между ЕАЭС и инициативой «Один пояс, один путь» в контексте реагирования на нетрадиционные вызовы безопасности. Каждый этап отражает не только характер угроз, но и уровень готовности региональных структур к совместным действиям в Таблица 1.

Эти этапы демонстрируют трансформацию сотрудничества от реактивного к проактивному, а затем к потенциально системному и долгосрочному партнёрству. Если в 2015 году безопасность воспринималась как второстепенное направление, то к 2025 году она стала неотъемлемым элементом стратегического диалога между участниками евразийского пространства.

Переход от фрагментарных и эпизодических ответов (период I) к разработке согласованных политик и созданию устойчивых каналов обмена (период III) стал

Таблица 1.

Этапы эволюции взаимодействия ЕАЭС и инициативы «Один пояс, один путь»
в сфере нетрадиционной безопасности (2015–2025 гг.).

Период	Характеристика этапа	Особенности реагирования	Ключевые вызовы	Уровень интеграции
2015–2020	Пассивное реагирование	Отсутствие механизмов координации, эпизодические действия	Пандемия COVID-19, кризис логистики, экологические катастрофы	Низкий
2021–2023	Формирование механизмов	Начало институционализации, соглашения о биобезопасности и цифровой защите	Санкции, SWIFT, терроризм, энергетическая уязвимость	Средний
2024–2025	Стратегическая синхронизация	Углубление партнёрства в технологиях и безопасности, создание совместных платформ	ИИ, киберугрозы, климатические риски, цифровой суверенитет	Высокий (потенциальный)

Источник: Составлено автором на основе [4], [12], [14].

возможен благодаря накопленному опыту, внешним вызовам и росту уровня доверия между сторонами. При этом именно нетрадиционные угрозы (а не только экономические факторы) выступили как катализаторы интеграции и перестройки координационной логики между ЕАЭС и ОПОП.

Историческая эволюция взаимодействия между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и инициативой «Один пояс, один путь» (ОПОП) в период с 2015 по 2025 гг. позволяет выделить три стратегические модели дальнейшего развития партнёрства, сформированные под влиянием совокупности экономических, политических и внешнеполитических факторов. Эти сценарии углубление интеграции, конфронтация и нейтральное сосуществование отражают не только потенциал, но и ограничители межрегионального сотрудничества в условиях возрастающей роли нетрадиционных угроз безопасности [13].

Первый сценарий углубление интеграции предполагает институциональное укрепление и координацию усилий в таких критически важных сферах, как климатическая и экологическая безопасность, биологическая защита, финансовая устойчивость и кибербезопасность. Учитывая нарастающий характер трансграничных угроз (пандемии, энергетические кризисы, санкционные войны), взаимодействие по линии ЕАЭС–ОПОП может эволюционировать от декларативного к стратегически синхронизированному формату. Это также предполагает создание совместных исследовательских платформ, механизмов быстрого реагирования, обмена информацией и согласованных политик в области цифрового суверенитета. На этом треке ключевыми будут институционализация сотрудничества, сближение нормативных режимов и устойчивые каналы политико-дипломатического диалога.

Второй сценарий сценарий конфронтации основан на вероятности усиления геополитического противостояния, как между государствами-участниками, так и со

стороны внешних акторов, прежде всего стран Запада. Вмешательство третьих держав, санкционное давление, милитаризация маршрутов ОПОП, а также внутренняя дестабилизация в странах ЕАЭС (включая этнополитические конфликты или смену внешнеполитических приоритетов) могут привести к снижению уровня доверия и разрыву координационных связей. В такой конфигурации нетрадиционная безопасность становится не объединяющим, а разъединяющим фактором, усиливая региональную фрагментацию и ограничивая возможности для совместного реагирования на угрозы.

Третий возможный путь нейтральное сосуществование представляет собой компромиссную модель, при которой взаимодействие продолжается преимущественно на уровне экономических проектов, не затрагивая политически чувствительные сферы. В таком случае наблюдается частичная координация, например, в транспортной логистике или технических стандартах при одновременном отсутствии согласованных действий в сфере безопасности. Такой сценарий может оказаться наиболее вероятным в условиях сохраняющейся неопределённости и слабой институциональной зрелости интеграционных структур.

Независимо от траектории, новые формы кооперации между ЕАЭС и ОПОП неизбежно будут формироваться вокруг таких приоритетов, как совместное управление климатическими рисками, использование искусственного интеллекта в сфере обеспечения инфраструктурной и кибербезопасности, а также развитие экспертных платформ и гуманитарных механизмов обмена. Последние могут способствовать формированию долгосрочного доверия между обществами, что, в свою очередь, укрепит устойчивость межгосударственных альянсов.

Таким образом, анализ перспектив взаимодействия в 2025 году позволяет сделать вывод, что нетрадиционные угрозы становятся не только вызовом, но и точкой роста евразийского партнёрства. Выбор одного из трёх сценариев во многом будет зависеть от способности

стран синхронизировать интересы, обеспечить гибкость механизмов реагирования и сохранить стратегическое видение интеграции в условиях глобальной турбулентности.

Заключение

Проведённое исследование исторической эволюции взаимодействия между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и инициативой «Один пояс, один путь» (ОПОП) в контексте нетрадиционной безопасности за период 2015–2025 гг. позволило выявить динамику трансформации этого партнёрства от экономико-ориентированной модели к формирующейся системе стратегического сотрудничества в условиях глобальных вызовов. Первоначально нетрадиционные угрозы такие как пандемии, экологические кризисы, кибератаки и финансовая нестабильность не воспринимались как приоритетные и рассматривались лишь в контексте национальных повесток, не выходя за рамки внутренней политики. Однако в условиях нарастающей турбулентности и ухудшения геополитической обстановки именно данные угрозы стали катализатором для сближения интеграционных структур Евразии и КНР.

Исторический анализ показал, что на первом этапе (2015–2020 гг.) стороны демонстрировали пассивное реагирование: механизмы координации практически отсутствовали, а действия по преодолению трансграничных угроз носили фрагментарный и преимущественно односторонний характер. С началом 2020-х годов, особенно после пандемии и обострения санкционного давления, взаимодействие начало переходить в фазу институционального оформления: были подписаны соглашения о цифровой и биологической безопасности, признан статус уполномоченных экономических операторов, началась координация в области таможенных и

информационных процедур. Этот период (2021–2023 гг.) ознаменовался формированием базовых механизмов устойчивости и взаимного доверия.

К 2024–2025 годам наблюдается стремление к стратегической синхронизации, включающей совместные инициативы в области искусственного интеллекта, цифровой инфраструктуры, энергетической безопасности и климатического реагирования. Таким образом, партнёрство между ЕАЭС и ОПОП выходит за рамки инфраструктурной логики и начинает формироваться как политико-технологический альянс, нацеленный на комплексное реагирование на нестандартные угрозы XXI века.

На основании результатов анализа выделены три возможные модели дальнейшего развития сотрудничества: углубление интеграции, конфронтация или нейтральное сосуществование. Каждая из них имеет под собой исторические основания, сформированные в рамках упомянутых выше этапов, и зависит от способности участников адаптироваться к глобальным трансформациям, выстраивать устойчивые механизмы реагирования и формировать долгосрочные стратегические интересы. При этом именно нетрадиционные угрозы безопасности становятся индикатором зрелости и гибкости интеграционных процессов, а также основой для выстраивания нового формата регионального взаимодействия.

Таким образом, можно заключить, что безопасность перестаёт быть лишь инструментом защиты и начинает играть роль структурообразующего элемента евразийского партнёрства. В этом контексте представленный хронологический анализ и предложенная типология этапов взаимодействия способствуют более глубокому пониманию природы интеграционных процессов и открывают перспективы для выработки новых подходов к региональной политике в Евразии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Berger, Ya.M. Socio-economic development and deepening of market reforms in China // Problems of the Far East. — 2004. — No. 1. — P. 6–29.
2. Бояркина, А.В. Традиционная культура Китая в контексте концепции «сообщества единой судьбы для человечества» // Вестник Забайкальского государственного университета. — 2018. — Т. 24, № 8. — С. 56–64.
3. Бордачев, Т.В. Институты для мира Евразии // Вестник международных организаций. — 2016. — Т. 11, № 2. — С. 24–39.
4. Воробьев, В.Я. О китайской идее построения «экономического пространства Великого Шелкового Пути» // Россия в глобальной политике. — 2014. — № 3. — С. 142–151.
5. В.А. Зубенко, В.В. Зубенко, Н.Л. Орлова и др. Глобализация мировой экономики: вызовы и ориентиры: монография. Орлова и др. М.: ИТК Дашков и К, 2012. — 277 с.
6. Gelbras, V. G. PRC. In search of a new development model // Asia and Africa Today. — 2009. — No. 3. — P. 3–9.
7. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010. — 287 с.
8. Grinberg, R.S. Formation of the Eurasian Union: opportunities and risks // Belarusian Economic Journal. — 2014. — No. 1. — P. 15–22.
9. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/bi-26645.pdf> Дата обращения 16.07.2025.
10. Евразийский интеграционный проект: эффекты и проблемы реализации (научный доклад) / Под общей ред. С.П. Глинкиной. — М.: Институт экономики

- РАН, 2013. - 47 с.
11. Зубенко В.В., Зубенко В.А. ЕАЭС. Новая евразийская архитектура. Сб. науч. трудов «Проблемы мировой экономики и международных отношений на современном этапе»: М., 2014. - С. 18-22.
 12. Lyu Tseyu. Development strategies of the new Silk Road in the 21st century // Young Scientist. – 2015. – No. 15. – P. 391–394.
 13. Омаров Ш.М. Основы экономической безопасности Евразийского экономического союза // Вестник Финансового университета. - 2014. - №2 (80). - С. 134-138.
 14. Скосырев В.А. Трансформация инициативы «Пояс и путь» в контексте новых установок внутреннего развития КНР. Экономическая политика. - 2025. - № 20(2). - С. 106-123.

© Лунь Хаотянь (Mofeng0927@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»